

Федоров И. Новые материалы о Чехове. Воспоминания П.Г. Розанова // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1946. 24 февраля. № 12354. С. 2.

Новые материалы о Чехове

Воспоминания
П. Г. Розанова

Воспоминания П. Г. Розанова о Чехове, хранящиеся в Центральном государственном литературном архиве, охватывают ранний период жизни писателя, его молодые годы (1884—1886). Молодой Чехов только что окончил медицинский факультет Московского университета и проводил летние каникулы под Москвой.

Автор воспоминаний звенигородский уездный врач Павел Григорьевич Розанов. Знакомство Чехова с Розановым относится к 1884 году—ко времени пребывания Чехова в Звенигороде. Поводом к знакомству послужил интерес Чехова к вопросам судебной медицины. По словам Розанова, знакомство состоялось при следующих обстоятельствах. По должности уездного земского врача Розанову часто приходилось бывать на вскрытиях. На этих же вскрытиях бывал и звенигородский следователь Шеффер со своим «секретарем». Как выяснилось впоследствии, этим секретарем-любителем оказался не кто иной, как Антон Павлович.

Завязалось знакомство, перешедшее затем в дружбу. Сам Розанов так рассказывает об этом:

«... Приблизительно в половине июня 1884 года М. И. Шеффер, проживавший постоянно в Воскресенске, писал мне в Звенигород, что, мол, у них объявился «молодой врач Чехов, который желал бы ездить на судебно-медицинские вскрытия». Я поспешил дать согласие, имея в виду, признаюсь, своекорыстную мысль: авось-де молодой врач не откажется заменить меня по второму следовательскому участку, к стати сказать, очень отдаленному от Звенигорода, в котором я обязан был проживать. ... После означенной переписки знакомство наше завязалось довольно быстро. 18

июня в моих руках был уже экземпляр чеховских «Сказок Мельпомены» с автографом: «Уважаемому коллеге, не раз вкушавшему сладость авторства... и проч.—На добрую память от автора А. Чехова». Что же представлял собой в то время Антон Павлович?

По первому впечатлению, это был молодой человек лет 24—25, выше среднего роста, застенчивых и безыскусственных манер, ходивший (летом) в широкой разлетайке («крилатке») и шляпе с широкими полями, иногда спущенной немножко на затылок. Открытый, умеренно высокий лоб, слегка как бы лоснящийся, с немножко выпуклыми лобными буграми, умеренно развитый, правильный нос, добродушно светлое карие глаза... Волосы на голове имел русые, низко подстриженные, брови прямые, темнорусые, на усах, что называется, переход от пушка к «перьям» и бородку с самою ограниченной нежною растительностью. Голос—мягкий бархатный бас и сочная, благодушная юношеская улыбка...

«... Как-то, коснувшись докторских экзаменов, диссертаций, приват-доцентуры и прочего, А. П. поставил такой вопрос:

— Скажите, что бы вы сделали на моем месте: остались бы врачом и отдались исключительно практической деятельности, или, наоборот, медицине предпочли бы литературу?

Помню, я даже переспросил его, серьезно ли он задается подобным вопросом, и когда получил утвердительный ответ, сказал приблизительно следующее:

— Знаменитым врачом, Антон Павлович, вы никогда не были бы. Да и что такое «знаменитый врач»? Возьмите Захарьина, Остроумова; пока они

живы и практикуют, их знает вся Москва и отчасти, быть может, лечущая Россия, зато после смерти, даже в своем городе, их имена скоро забудутся. С другой стороны, если бы вы сделали даже не первым по рангу писателем, Чехова, без сомнения, знала бы вся читающая Россия.

Не могу сказать, какое впечатление получил А. П. от этого ответа, но только впоследствии никогда уже не возвращался к этой теме...

Даже ввиду улыбающейся перспективы литературной известности Чехову жаль было расстаться, порвать с медициной. Да он и сам намекает на эту свою двойственность.

Вопрос о «страсти» как творческом темпераменте, о слиянии художника и исследователя, медика и писателя, как известно, сильно занимал Чехова. Он неоднократно обращался к этой теме в своих письмах друзьям и близким; сознание того, что «у него два дела, а не одно», признавался Чехов, придавало ему бодрости и удовольствия собой; однако не забывал он и огромной роли полученного им в Университете медицинского образования.

«— Не сомневаюсь,— решительно заявлял Чехов о себе в письме к Г. И. Россолимо 11 октября 1899 года,— занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность,—они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок».

Говоря о дальнейшей карьере Чехова, как врача, Розанов приходит к убеждению, что «бесспорно, он мог быть весьма сведущим и талантливым практическим врачом».

В воспоминаниях Розанова имеются интересные сведения о пребывании Чехова в Звенигороде.

Проведя лето 1884 года под Воскресенском, Чеховы на следующий год составили план поселиться в Звенигороде. Желая устроиться где-нибудь вне городской черты («нанять дачу в самом городе я не хочу в силу кое-каких гигиено-экономических соображений»), Чехов остановился на домике, который стоял вторым от конца улицы, идущей в направлении монастыря.

«С переездом в Звенигород, у Антона Павловича должны были завязаться новые знакомства... Чтобы, однако не стес-

нить этих, по большей части семейных людей, принято было летом собираться под открытым небом, перед чьим-нибудь домиком. Особенно удобна была для этого Безымянная улица, что идет под углом к прихотливой церкви по направлению к Воскресенску... Мостовой здесь не полагалось; полотно дорожки, кроме узенькой насаженной полоски на середине, поросло муравьями. Словесно, на травке, чаще всего и собиралась звенигородская молодежь, рассажившись на вынесенных стульях и скамейках, а не то и на приступках лестниц. Такие вечера довольно охотно посещал Антон Павлович, нередко получая здесь материал для своих рассказов. Эрема проходила в разговорах, шутках, рассказах. Иногда из раскрытых окон Гамбургцевского дома раздавалось под аккомпанимент пианино пение старшей Гамбургцевой. В двенадцатом часу компания обыкновенно расходилась по домам. Вспоминаю, между прочим, как на один из таких вечеров Антон Павлович не вышел (это было, следовательно, летом 1885 года, что особо заслуживает быть отмеченным), известив меня, что он не будет у Гамбургцевых по причине обнаружившегося у него кровохарканья.

Нередко, возвращаясь с Антоном Павловичем с таких «посиделок», мы заходили ко мне, и тут разговоры наши надолго затягивались. Здесь, между прочим, мечтали мы об издании газеты «Фельдшер» или «Врачебный быт», о которой впоследствии то и дело напоминал мне в своих письмах Антон Павлович.

«Не забывайте про «Фельдшера». Насчет «Врачебного быта» я беседовал в Питере со сведущими людьми».

Здесь дебатировали с ним вопрос о министерстве здравоохранения, доклад о котором, год спустя, я читал на втором Пироговском съезде врачей.

«Я слушал ваш реферат на съезде,— писал по этому поводу Антон Павлович.— Вопрос, затронутый Вами, почтенен, и я разговаривал за Вас, хотя досадовал, что Вы писали реферат без помощи какого-нибудь ученого юриста-законоведа. Впрочем об этом поговорим...».

Увы, ни в тот момент, ни впоследствии мне не суждено было увидеться с Антоном Павловичем, хотя, как он писал из Ялты 27 декабря 1899 года, т. е. за три с половиной года до смерти, он «частенько вспоминал» обо мне и «издала следил за (моею) деятельностью». Но, если А. П. меня «вспоминал»,— я всегда его любил: так он был обаятелен и мил.

И. Федоров